

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБРАБОТКИ XVIII в.
ПОВЕСТИ ОБ АПОЛЛОНИИ ТИРСКОМ

Известно, что многие памятники древнерусской литературы, в том числе и переводные романы, об одном из которых пойдет речь в этой статье, переходят хронологический рубеж нового времени и продолжают переписываться на протяжении всего XVIII в., составляя, по словам Н. С. Тихонравова, «преобладающий элемент в народном чтении первой половины XVIII в.».¹

Какова же была судьба древнерусской беллетристики в XVIII в.?

На этот вопрос, интересный как для медиевистов, так и для историков литературы XVIII в., нельзя получить ответ без предварительного анализа списков XVIII в. конкретных памятников. Внимание исследователей уже привлекали обработки XVIII в. таких произведений, как Повесть об Акире Премудром,² Повесть о Григории, папе Римском,³ Повесть о Бове и Повесть о Петре Златых Ключей,⁴ Повесть о Еруслане Лазаревиче,⁵ Повесть о Дмитрие Басарге и о сыне его Борзосмысле.⁶

В данной статье будет рассмотрена рукописная традиция XVIII в. Повести об Аполлонии Тирском с целью выявить основные направления редакционных изменений, вносимых в XVIII в. в текст этого древнерусского произведения.

Переведенная во II половине XVII в. в составе сборника «Римские деяния»,⁷ Повесть об Аполлонии Тирском в том же столетии

¹ Тихонравов Н. С. Русская литература XVII—XVIII вв. — Сочинения, т. II. М., 1898, с. 7.

² Перетц В. Н. К истории текста «Повести об Акире Премудром». — ИОРЯС, т. XXI, кн. 1. Пг., 1916, с. 262—278.

³ Гудзий Н. К. 1) К истории легенды о папе Григории. — ИОРЯС, т. XIX, кн. 4, Пг., 1914, с. 217—256; 2) Новые редакции повести о папе Григории. — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, с. 177—191.

⁴ Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси. Бова. Петр Златых Ключей. М., 1964.

⁵ Пушкарев Л. Н. Литературные обработки о Еруслане Лазаревиче в XVIII в. — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967, с. 206—236.

⁶ Повесть о Дмитрие Басарге и о сыне его Борзосмысле. Исследование и подготовка текстов М. О. Скрипиля. Л., 1969.

⁷ Дата перевода Повести об Аполлонии Тирском на русский язык пока точно не установлена. Большинство исследователей считают, основываясь на указании русских рукописей, что она была переведена в конце XVII в.,

была существенно переработана. Эта вторая редакция повести была известна в литературе преимущественно по публикации Н. С. Тихонравова,⁸ почему она и получила название «Тихонравовская» (ср., например, у Мурко: «Tichonravov'sche Text» и условное обозначение этой редакции — «Т»).⁹ По сравнению с первоначальной редакцией повести для Тихонравовской редакции характерна более христианско-благочестивая позиция пересказчика и риторичность «высокой» литературы.¹⁰

В XVIII в. переписывались и перерабатывались обе редакции повести: и входящая в состав «Римских деяний» (ред. РД), и Тихонравовская редакция (ред. Т). При этом отношение к тексту второй редакции, встречающейся как самостоятельная повесть (в отдельных списках или сборниках непостоянного состава), было, по общему правилу, более свободным, чем к тексту, входящему в сборник постоянного состава («Римские деяния»). Поэтому обработки XVIII в. ред. Т более многочисленны и разнообразны. Они дают богатый и интересный материал для изучения литературных вкусов различных читательских кругов XVIII в., для наблюдения над трансформацией в XVIII в. древнерусской беллетристики. На них и остановимся в данной статье.

Обработки XVIII в. ред. Т различны по характеру и значимости внесенных в текст изменений. Одни из них я определяю как варианты ред. Т, отличные от первоначального, основного варианта этой редакции, другие — как особые редакции. Но для удобства изложения все они называются в предлагаемой статье однозначно — обработки ред. Т XVIII в. или редакции XVIII в., — тем более что для данной постановки вопроса (наиболее общие тенденции редакционных изменений) эта градация не имеет значения. Условно обозначим обработки XVIII в. ред. Т так: Т₁ (ГИМ, собр. Забелина, № 498 и ГИМ, собр. Барсова, № 2364),¹¹ Т₂ (ГПБ, Q XV. 87), Т₃ (ГБЛ, собр. Тихонравова, № 222; ГИМ, Музейское собр., № 1043; БАН, 17.7.48; ГИМ, собр. Вострякова, № 914, 1274; ЦГАДА, ф. 181, № 540/1023; ИРЛИ, собр. Перетца, № 429; ГЛИМ, ОФ, № 57),¹² Т₄ (ГИМ, собр. Барятинского, № 160), Т₅ (ИУЛ,

а М. Н. Сперанский относит дату перевода к самому началу XVII или даже к концу XVI в. См.: С п е р а н с к и й М. Н. Рукописные сборники XVIII в. М., 1963, с. 31, сноска 5. — Исследование всех доступных мне списков отдельной повести и сборников «Римские деяния» дает основание считать, что повесть была переведена в конце 60-х — начале 70-х гг. XVII в.

⁸ Т и х о н р а в о в Н. С. Повесть об Аполлоне Тирском. — В кн.: Летопись русской литературы и древностей, т. I, ч. 2. М., 1859, с. 6—33.

⁹ М у р к о М. Die russische Übersetzung des Apollonius von Tyrus und der Gesta Romanorum. — Archiv für slavische Philologie, Bd XIV, 1892, H. 3, с. 405.

¹⁰ Более подробную характеристику этой редакции см.: С о к о л о в а Л. В. Две русские редакции XVII века Повести об Аполлонии Тирском. — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 313—322.

¹¹ Цитируется по списку из собр. Барсова (далее: Б₂₃₆₄).

¹² Цитируется по разным спискам (далее соответственно: Т₂₂₂, М₁₀₄₃, БАН, В₉₁₄, В₁₂₇₄, ЦГАДА, П₄₂₉, ГЛИМ).

№ 961), Т₆ (ГИМ, собр. Ундольского, № 942), Т₇ (ГПБ, собр. Колобова, № 400).¹³ Отрывком из еще одной обработки текста ред. Т, отличной от всех перечисленных, является список ЛОИИ из собр. Лихачева, № 288, в котором сохранилось менее $\frac{1}{5}$ части текста.

Итак, что же характерно для обработок XVIII в. Повести об Аполлонии Тирском? Что отличает их от Тихонравовской редакции, на основе которой они возникли?

Во-первых, иным стало в XVIII в. жанровое восприятие повести. Если в XVII в. она рассматривалась читателями как назидательное поучение, то в XVIII в. она стала восприниматься как занимательная «гистория». Это заметно уже по изменению названия повести. В списках Тихонравовской редакции она называлась так: «Приклад дивный, коль благ бог и всемогущ и како прелогает печаль на радость. Слышанием древних деописец. Повесть о Аполлоне, короле тирском и о Тарсии королевне» (ГПБ, Q XVII, 139), Или: «Повесть изрядная о Апполоне, царе тирском, и о случаях и о бедах и печалех в мире сем, и яко человеколюбие божие никого ж оставляет до конца погибнути. Начася ж Антиохом царем» (ГБЛ, собр. Беляева, № 12 (1518)).

Иначе озаглавлена повесть в различных списках XVIII в.: «Повесть о премудром короле тирском и сидонском» (ИРЛИ, собр. Перетца, № 186), «Гистория о Апполоне, короле тирском» (Т₂, Т₅), «Гистория о Апполоне, короле тирском и сидонском и о прекрасной королевне Тарсии» (ГЛМ), «Гистория о Апполоне, короле тирском, како пострадал от Антиоха и како достал себе супругу, прекрасную королевну Лучницу, дочь короля Алтистрателю, и как с ней божиею волею разлучился, по многим же бедам такожде и паки совокупился» (M₁₀₄₃, БАН, ЦГАДА).

В последнем заголовке особенно наглядно внимание переписчика к сюжетной, занимательной стороне повести. Об этом свидетельствуют и подзаголовки в одном из видов Т₃, делящие текст на части и передающие содержание каждой из них, например: «Како короля Апполона неки, именем Барбата, хотя поимати; и како во граде Тарсе живяше (в ркп. ошибочно Тарте, — Л. С.), потом же от морскаго потопления едва спасеся» (В₈₁₄, л. 8).

Состав сборников XVIII в., в которых встречается наша повесть, также говорит о том, что ее назначением стало в первую очередь развлекать читателей. В XVIII в. повесть встречается, как правило, в сборниках, которые, по словам М. Н. Сперанского, «обнаруживают явное тяготение к занимательной повести, столь любимой читателями XVIII в.».¹⁴

Для обработок XVIII в. характерна, во-вторых, исключительно большая свобода в обращении с текстом повести, который, по-

¹³ Т₅ и Т₆, восходящие к общему протографу, а также Т₇ объединяют текст ред. РД и Т. Но поскольку за основу и в том и в другом случае взят текст ред. Т, я отношу эти списки к обработкам ред. Т.

¹⁴ С п е р а н с к и й М. Н. Рукописные сборники XVIII в. М., 1963, с. 31.

добно текстам фольклорных произведений, отличается в списках XVIII в. неустойчивостью, «текучестью». Довольно часто переписчик становится одновременно и весьма решительным редактором. Списки XVIII в. очень индивидуальны; редакции XVIII в. часто представлены всего одним списком. Так, например, из перечисленных выше обработок ред. Т лишь Т₃ представлена несколькими (8) списками. Однако и между ними имеются существенные различия как в стилистическом, так и в сюжетном отношении. Списки объединены нами не столько на основании близости их текстов, сколько на основании тех общих особенностей, которые внес в текст создатель списка-протографа.

При первом знакомстве с обработками XVIII в., с их многообразием создается впечатление, что нет никакой закономерности в изменении ими текста Тихонравовской редакции. Однако более детальный анализ списков позволяет свести разнообразные изменения текста ред. Т в обработках XVIII в. к нескольким основным тенденциям.

Прежде всего отметим, может быть, не самую важную, но тем не менее показательную особенность списков XVIII в.: восприятие текста стало более критическим в связи с новым, более свободным отношением к нему. В XVII в. нередко какое-либо недоразумение в тексте «кочевало» не только из списка в список, но и из редакции в редакцию. Переписчиками XVIII в. исправляются многие смысловые алогизмы, проясняются «темные места» повести.

В сцене оживления Лучницы место, на которое была положена героиня и под которым был разведен огонь, названо непонятым в данном контексте словом «хладничек». Оно является, по-видимому, старославянским фонетическим вариантом слова «холодничек», которое наряду со словом «ледничок» заменило в одном из видов ред. РД полонизм «ляса»¹⁵ (из польского *lasa* — в зн. верша¹⁶). В списке М₁₀₄₃ оно заменено словом «кладничек», в Т₄ и Т₇ — «одр», а в Т₁ — словом «полотно».

Автор ред. Т сообщает читателю, что после того как ученик врача Тиримонуса вывел Лучницу из состояния летаргии, врач Тиримонус «упроси ю, еже стояти ей в болшей божнице вместо богини или вместо властелинии» (л. 274 об.).¹⁷ Во многих списках XVIII в. это явно испорченное место (в чешском тексте говорится

¹⁵ Н. Нильссон предполагает, что замена слова «ляса» на «ледничок» и через него на «холодничек» произошла потому, что Люциия (такое имя носит героиня в ред. РД), впадшая в летаргический сон, изображалась скованной, замерзшей («als erfroren geschildert wird»). См. об этом: Nilsson N. A. Die Apollonius — Erzählung in den slawischen Literaturen. — Труды по славянской филологии, изд. русским институтом при Стокгольмском университете) Uppsala, 1949, с. 144.

¹⁶ Гессен Д. Большой польско-русский словарь. М., Варшава, 1967, с. 361.

¹⁷ Текст ред. Т цитируется здесь и далее по лучшему списку — ГБЛ, собр. Беляева, № 12 (1518). Слова, исправленные по другим спискам, заключаются в квадратные скобки.

о том, что Люциня служила жрицей в храме богини Весты) исправляется, но осмысливается при этом по-разному. Создатель ред. Т₄ сообщает, что Тиримон «учредил королевну . . . в великой божице начальницею» (л. 20), а согласно Т₃ в храме стояла не сама Лучница, а «образ персоны ея».

Но не только необходимость исправления текста ред. Т служила поводом к его изменению. В обработках XVIII в. встречаются самые различные виды трансформации сюжетной основы: модификация, редукция, амплификация, модернизация и т. п.¹⁸

Под термином «модификация» понимаются в данном случае различные смысловые изменения, вносимые в сюжет повести: видоизменения сюжетных мотивов, переосмысление (иное истолкование) сюжетных эпизодов, а также изменения образов персонажей. Начну с последнего, как наиболее важного.

В Т₃, например, утрачивается житийно-этикетная условность изображения персонажей, которую внес автор ред. Т, в результате чего значительно изменяется образ главного героя — Аполлона. В ред. Т он, подобно персонажам житий, — слаб, покорен судьбе, часто плачет.¹⁹ Действия его характеризуются «житийными» определениями («поклонився умиленно, отъиди»), его обращение к корабельщикам также церковно-христианское («о любезная братия моя»). В Т₃ перед читателями совсем иной герой. Он уже не проявляет «житийного», христианского смирения, речь его независима, а проявления чувств более сдержанны. Сравним, например, ответ Аполлона королю Антиоху, утверждающему, что Аполлон неверно отгадал загадку и тем самым погубил себя. Ред. Т: «Великославный цесарю, вси сие мое извещение слышат, яко тако есть. Но ты, праведный цесарю, и правый суд имаши. Готов есмь к смерти» (л. 266 об.). Т₃: «Великий Антиоше и славный цесарю, на сие бо гадание мое отвещание право есть, а не по моей воли. Ныне бо, великий цесарю, ты суд имаши, но токмо дабы имел в правде судити» (Т₂₂₂, л. 6). Как видим, здесь Аполлон уже не выражает уверенности, что суд царя будет правый, а напротив, требует, чтобы царь судил «в правде», и уже не высказывает готовности подвергнуться любому наказанию. образу главного героя «возвращается» его первоначальный (см. ред. РД) смысл, соответствующий жанру приключенческого романа.

Переосмысление некоторых сюжетных эпизодов, как и модификация некоторых сюжетных мотивов в обработках XVIII в.,

¹⁸ Термины «трансформация», «редукция» и «амплификация» используются вслед за В. Я. Проппом и именно в том значении, какое придавал им он. См.: Пропп В. Я. Трансформация волшебной сказки. — В кн.: Хрестоматия по теоретическому литературоведению, вып. 1. Тарту, 1976, с. 140, 149 (2-й абзац). Термин «модификация» также используется вслед за В. Я. Проппом, но в несколько расширенном значении (объяснение см. в тексте).

¹⁹ Способность плакать органически входит в образ истинного христианина. Интересные наблюдения по этому поводу содержатся в статье В. В. Виноградова «К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словопотребления» (ТОДРЛ, т. XIV, с. 373).

связаны, как правило, со стремлением переписчиков к большей правдоподобности и мотивированности изложения. Приведу соответственно два примера.

Согласно ред. Т Аполлон, скрываясь от Антиоха, покидает родной город Тир. Он уплывает, наполнив корабль пшеницей. В городе Тарсе, где он решает остановиться, царит голод. Аполлон распродает пшеницу, но деньги возвращает горожанам, «дабы его купцом не назвали». В Т₅ этот эпизод истолкован иначе: Аполлон, по этой редакции, продает пшеницу, «дабы его не признали ни купцом бы называли» (л. 89 об.). Тем самым мотивируется решение Аполлона наполнить корабль пшеницей, никак не объясняемое в ред. Т.

Модификация сюжетных мотивов, как наиболее доступная для непрофессионального редактора (скорее читателя, чем писателя) форма проявления авторского самосознания, очень часто встречается в обработках XVIII в. Например, в ред. Т говорилось, что Тарсиса «по многом неутешном плачи» погребла свою мамку Лигорию на берегу моря. В Т₄ королева просит Странгвила «о погребении мамки своей Лигории, которой прозьбою ее оно учинил» (л. 24), а в Т₅ Тарсия «повелела (кому именно, не указывается, — Л. С.) погresti тело ея на морском берегу» (л. 91).

Очень характерными являются для обработок XVIII в. такие изменения сюжетной основы, как редукция и амплификация. Можно выделить два вида редукции в редакциях XVIII в. В одном случае — это пропуск тех или иных сюжетных мотивов, эпизодов. В другом случае сюжетный эпизод не опускается, а «стягивается», излагается кратко, без подробностей. Простое отбрасывание сюжетных мотивов или эпизодов не нуждается в иллюстрации. Приведу пример лишь второго вида редукции. Он часто используется авторами редакций XVIII в. при переработке особо растянутых эпизодов и многословных, риторичных монологов ред. Т. Особенно же характерен этот вид редукции для обработок краткого типа, превращающих изложение в пересказ, как например Т₄, из которой и взят следующий пример.

Аполлон, отдавший на волю волн тело своей жены, мнимоумершей при родах, оставляет родившуюся дочь вместе с ее кормилицей Лигорией в городе Тарсе, у Странгвила и Дионисии. Умирая, Лигория открывает Тарсисе тайну ее рождения. В ред. Т этот эпизод развернут в целую сценку: «Некогда же прииде от учителя Тарсиса, мама ея Лигория разболела к смерти. Сия видя, нача, горько рыдая, плакати. Лигория же нача ю вопрошати: „Веси ли, — рече, — чия еси ты дщи?“ Тарсиса же рече: „Странвила и Дионизии“. Лигория же: „Несть, — рече, — сей твой ни отец, ни мати; ты еси благороднаго отца дщи, великаго краля Аполлона Тирскаго, мати же твоя бысть дщи краля кипрьскаго, кралева Лучница; родив же тя, предана морю; zde же ты дана отцем воспитати; отец же твой, ища матери твоей, странствует по морю“. И сия известивши, Лигория умре» (л. 275—275 об.).

В T_4 лишь сообщается об этом эпизоде, подробности здесь опущены: «По вручении же Тарсисы в школу, а мамка Лигория обдержима тяжкою болезнию, об которой Тарсиса королева весьма плакала и при испущении духа в самой краткости жизни призвав королеву, дала ей знать, чья она дочь и кто мать ея. И всю историю донесла» (л. 21).

Сюжетная амплификация (расширение сюжетной основы) бывает, как и редукция, разных видов. В одних случаях она выражается в разработке сюжетных эпизодов, обогащении их новыми подробностями. Примером такого рода разработки сюжета может служить тот же эпизод прощания Тарсисы с умирающей мамкой Лигорией. Если в ред. T Лигория лишь спрашивала у Тарсии, кто ее родители, то в T_5 она вначале говорит о своей болезни, о близости смерти, объясняя этим свой последующий вопрос к Тарсии о ее родителях. Ответ Тарсии в ред. T также был краток: «Странвила и Дионизии». В рассматриваемой обработке Тарсия начинает свой ответ таким предисловием: «Воистинну, любезная моя мамушка Лигория, и сама я то в сие время признала, что уже жизнь твоя прекращается, и в не уме своем о родителях вопрошаешь, будто бы их и не знаешь. . .». А после рассказа Лигории о настоящих родителях Тарсии в текст этой редакции XVIII в. введено предсмертное обращение Лигории к своей воспитаннице с просьбой простить ее и «не оставить в памяти своей» (л. 94).

Как видим, один и тот же эпизод редуцируется в одних обработках и амплифицируется в других.

Помимо этого в обработках XVIII в. встречается осложнение сюжета — введение в текст новых мотивов, включение новых сюжетных эпизодов.

В T_2 , например, вводится «сценка» между Аполлоном и Лучницей после сообщения Аполлону об избрании его царем Антиохии: приняв от приплывших к нему с этим известием «лист от всея земли», Аполлон показывает его жене, бывшей с ним на берегу моря. «Она же, — читаем дальше, — прочет, бысть в несказанной радости и рече: „О прелюбезнейший мой королю Аполлоне, не напрасно сердце мое тя возлюбило, ныне виждь известно и веселюся, яко даде ми вышний промысл такового преславнаго в свете иметь мужем“» (л. 10).

Если приведенный эпизод в какой-то степени «подсказывается» текстом ред. T , где нарушен принцип логической оправданности, мотивированности повествования²⁰ (в начале эпизода упомянуто, что с Аполлоном была Лучница, а дальше о ней ничего не говорится; о героине словно забыли и герой и автор), то в следующем примере новый сюжетный эпизод не только не вытекает из текста ред. T , но даже противоречит ему. В T_5 введена любовная сценка-диалог

²⁰ О мотивированности и мотивировке в произведении см.: Т о м а ш е в с к и й Б. Теория литературы. Поэтика. Изд. 5-е. М.—Л., 1930, с. 144—152.

между Лучницей и Аполлоном во время обучения героини танцам. Этот отрывок, рассказывающий в стиле галантных «гисторий» XVIII в.²¹ о признании героев в любви друг другу и обмене их перстнями в знак «верности и вечного союзнства», противоречит тому, что было сказано о них в ред. Т: «Не возре же во весь той год [пристрастно] на ню, ниже она на него» (л. 269 об.).

Этот пример сюжетной ассимиляции²² наглядно свидетельствует о том, что Повесть об Аполлонии Тирском отождествлялась в сознании читателя XVIII в. с популярными любовно-авантюжными «гисториями», стиль которых охарактеризован В. Н. Перетцем.²³

Как правило, амплификация сопутствует редукции: в одной и той же обработке одни сюжетные эпизоды «стягиваются» или опускаются, а другие — разрабатываются или вводятся запово.

Но, пожалуй, самой характерной и отличительной особенностью многих списков XVIII в. является привнесение в повествование черт современного быта (и отсюда введение в текст ряда неологизмов и понятий, отражающих быт Петровской эпохи), т. е. модернизация повести.

В списке ГЛМ (Т₃), например, говорится о том, что, остановившись в Тарсе, Аполлон идет «в дом к сенатору своему»; вознаграждая Елавика, «учинил его во Антиохии сенатором», а доктора Тиримона и ученика Силимона, вернувших жизнь Лучнице, «учредил генералами».

В Т₅ Антигор просит короля Аполлона, «дабы принял ево в свою протекцию со всем его владетьством». У короля Антистрателя был «банкет, и многия знатныя персоны, такожде и дочь его Людыня королевна, при том банкете присутствовала». Аполлон в благодарность за спасение ему жизни Елавиком «министром себе его поставил». Дионисия грозит Теофилу, что отдаст его «под суд в розыск». Собираясь хоронить мнимоумершую Лучницу, Тиримонус «пригласил знатных персон к провожению тела ея», и т. д. В Т₆ в честь свадьбы Аполлона и Лучницы Антистратис устраивает «балы при генералитетах и прочих министрах» и т. д.

Но особенно характерен в этом отношении список ГИМ, Музейское собр., № 1312. Читаемая здесь повесть — по сути дела оригинальное русское произведение на сюжет древнерусской повести. В этом списке мы обнаруживаем обширные вставки в текст, отражающие события Петровского и послепетровского времени, а также нововведения в быту, общественной жизни и т. д. В одной

²¹ Характеристику этого стиля см., например: Перетц В. Н. Очерки по истории поэтического стиля в России (эпоха Петра Великого и начало XVIII ст.), I—IV и особенно V—VIII. СПб., 1905—1907.

²² Термин В. Я. Проппа, см.: Пропп В. Я. Трансформация волшебной сказки, с. 147—149.

²³ Перетц В. Н. Очерки по истории поэтического стиля... V—VIII, с. 12.

из таких вставок, занимающей несколько листов, редактор рассказывает о строительстве, украшении и заселении Антиохом своей столицы (в первоначальной русской редакции этому соответствует одна фраза: «И созда себе град тверд и богат»). Несомненно, что в этом эпизоде отразились предания о строительстве Петербурга.

Как видим, изменения, внесенные авторами обработок XVIII в. в сюжет Тихонравовской редакции, разнообразны и многочисленны. Не менее интересны и приемы стилистической редактур Повести об Аполлонии Тирском под пером переписчиков XVIII в.

Стиль Тихонравовской редакции напоминает экспрессивно-эмоциональный стиль агиографического повествования, сформировавшийся в житийной литературе еще в XV в.

Однако этот изысканный, искусственный стиль даже в житийной литературе приходит в XVIII в. к упадку.²⁴ Тем более случайным и неуместным осознавался он в переводном романе, особенно популярном в XVIII в. в демократической среде. Риторичность, многословие, экспрессия — все эти черты ослабевают, а то и совсем исчезают в обработках XVIII в.

Высокий стиль ред. Т уступал место «просторечию», под которым деятели Петровского времени, как и древнерусские книжники, понимали, по словам Г. О. Винокура, прежде всего «отказ от сложных и искусственных синтаксических средств традиционного схоластического витийства».²⁵ Сравним, например, по ред. Т и Т₄ сцену между Аполлоном и Лучницей перед их отплытием с Кипра, — точнее, монолог Лучницы из нее.

Узнав о решении Аполлона отплыть на родину, оставив ее у родителей, Лучница, по ред. Т, «бысть яко мертва и паде на землю». Придя в себя, она, «горько рыдая», обращается к Аполлону с такой эмоциональной и возвышенно-риторичной речью: «О возлюбленный, всего света дражайши мне! Како мя хочещи немилостивно оставити? Аз же инаго утешения не имам, разве еже видети пресветлое твое лице; сама убо изволих кроме всех за тя, с тобою хощу везде быти. Аще ти будет радостная, купно возвеселимся, аще будещи в злополучии, купно претерпим. Готова есмь с тобою и умерети. Лутчи ми очима яже о тебе видети, нежели ушима слышати, яко больши прилагают, нежели бывает» (л. 271 об.—272).

В Т₄ ответ Лучницы Аполлону предельно краток. Одним предложением передается смысл многословного монолога ред. Т: «Королевна же Лучница рече: „Лутче мне вкупе с вами на море смерть принять, нежели без вас пребывать“» (л. 16 об.).

Я сознательно выбрала для сравнения ту редакцию XVIII в., в которой сведена на нет риторичность, связанная с многословием.

²⁴ См. об этом: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 369—370.

²⁵ История русской литературы, т. III. М.—Л., 1941. Введение, гл. III (Русский литературный язык в первой половине XVIII в.), с. 57.

Но и другие обработки XVIII в., не ликвидируя полностью стилистические приемы редакции Т, существенно ослабляют свойственные ей экспрессивность и риторичность, значительно опрощают синтаксис. Приведу этот же монолог по ред. Т₂. «О возлюбленный, всего света дражайший Аполлон, аз избрах тя и возлюбила паче меры, ты же како хочещи немилостивно оставити? И кое утешение без тебя, возлюбленного моего, иметь буду, кроме слез и всегдашней печали?» (л. 10 об.).

Если для ред. Т было характерно стилистическое единство, то этого нельзя сказать о редакциях XVIII в. Напротив, на языке этих обработок «лежит яркий отпечаток неупорядоченности русского литературного языка послепетровской поры, причудливо сочетающего славянизмы старинной книжности с варваризмами канцелярско-деловой речи»²⁶ и с западноевропейскими лексическими заимствованиями, а порой и вовсе уступающего место языку с сильной бытовой окраской. Эта пестрота дополняется использованием в некоторых случаях стилистических особенностей модной в то время любовно-авантюрной повести. Однако авторы некоторых обработок XVIII в. ред. Т все же придают манере повествования определенную стилистическую направленность, уподобляя ее в одних случаях сказочной (Т₁), в других — изысканно-галантному тону авантюрно-любовной беллетристики (Т₅), в третьих — краткому канцелярскому отчету, сообщению (Т₄).

В ред. Т₁ изложение ведется порой таким живым разговорным языком, что при первом знакомстве с ней возникает мысль о перерыве рукописной традиции, о записи устного рассказа. Автор ее нередко использует разговорно-просторечные формы: «будто испужался», «поставил ему есть», «велел привести к себе ужинать», «почал кричать изо всех сил» и т. д. Кроме того, здесь используется фразеология устного народного творчества, например сказочные формулы: «И потом увидена окрестных государств цари-цесаревичи и короли-королевичи, что у цесаря Антиоха тщерь зело прекрасна. . .» (Б₂₃₆₄, л. 5); постоянные эпитеты: «И пустился в море в славный Тир град» (Б₂₃₆₄, л. 21); характерный для сказки оборот — ответ, начинающийся риторическим вопросом «как мне не. . .?»: «Драгий мой отче, как мне не ехать в свое царство, понеже давно отлучился» (л. 19), и т. д. В одном случае автор вводит даже небольшую сценку в духе русских сказок: «Прекрасная королевна Лучница так в него крепко влюбилась и стала его спрашивать, какова он роду: король-королевич или царь-царевич или сильный могучий богатырь, — повеждь ми. Он же ей поведа всю истинную, с начала своего все рассказал» (Б₂₃₆₄, л. 16).

²⁶ Эту характеристику П. Н. Берковым языка оригинальных любовно-авантюрных повестей XVIII в. см. в кн.: История русской литературы, т. 1. М.—Л., 1958. Ч. II (Русская литература XVIII в.), с. 454.

Влияние авантюрно-любковых «гисторий» несомненно в обработке Т₅, где введена уже упоминавшаяся сценка между Аполлоном и Лучницей, в галантных выражениях объясняющихся в любви и «присягающих» друг другу «в верности и вечном союзнстве». Изменяется в связи с этим и поведение Лучницы после получения письма от отца с просьбой назвать имя того, кого она избирает себе в мужья. Она уже не мучается вопросом, как ответить отцу («если правда отписать — срамота ми есть; аще ли же не отпишу — велику тцету восприяти» — ред. Т, л. 270 об.), а лишь подумала, что «сей случай на пользу ей со Аполоном явится к совершению любви их, что она обещалась быть женою уже давно Опполону» (л. 90). На примере этой обработки можно, пожалуй, говорить о жанровой переориентации. Герои древнерусской полуаскетической повести одеты здесь в костюмы галантного кавалера и его дамы.

Уподобление Повести об Аполлонии Тирском галантной «гистории» нашло свое выражение и в использовании автором ред. Т₅ стилистических особенностей последней.²⁷ Галантно-метафорические обращения с частым смешением «ты» и «вы», причудливая витиеватость выражений встречаются в разных местах повествования, но особенно характерен в этом отношении сюжетный эпизод, самостоятельно введенный автором обработки Т₅, — любовная сценка между Аполлоном и Лучницей.

Литературный язык XVIII в. характеризуется, как известно, расширением функций деловых стилей.²⁸ На примере обработки Т₄ мы видим использование канцелярского стиля применительно к жанру приключенческого романа. Дело в том, что язык документов в ней (не отдельных канцеляризов!) — это только один из компонентов некоего стилистического единства, определенной манеры повествования, для которой кроме лексических канцеляризов, устойчивых оборотов (штампов) и синтаксических конструкций деловых бумаг, т. е. «приказного языка», характерно также выпрямление сюжета, краткость изложения, интерес к сути события в ущерб различным художественным деталям. При этом прямая речь заменяется косвенной, обширные риторические монологи ред. Т передаются нередко одной фразой, выражающей основной смысл высказывания, кратко пересказываются автором развернутые сцены, изображающие действия героев.

Примером такой стилистической обработки служит список ГИМ, собр. Барятинского, № 160 (Т₄), текст в котором, к сожалению, сохранился не полностью.

²⁷ Характеристику языка авантюрно-любковой беллетристики, представлявшего собой своеобразную разновидность литературного языка начала XVIII в., см., например, у Г. О. Винокура: История русской литературы, т. III. М.—Л., 1941. Введение, гл. III, с. 59—61.

²⁸ См. об этом: Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XVIII вв. М., 1938, с. 62—63.

Приведу из него небольшой отрывок, который наглядно характеризует язык и слог этой обработки.

«Аполлон же в скором времени приказал потребная в путь готовить и убрать корабль достойным манером, и объявил намерение свое супруге, которая, как услышала об отъезде его, оценев, упала на постель; и едва в память прииде, нача сетовать неутешно. Аполлон же нача ее утешати своими премудрыми словами, чтоб не весьма об нем сокрушалася и печали никак не имела, понеже аз за нею по времени приеду, а до того времени и зволитла жить при отце. И она в то время была непрадна. Королевна же Лучница рече: „Лутче мне вкупе с вами на море смерть принять, нежели без вас пребывать“. Чему и Аполлон бысть произволил и приказал ей со всем збиратися, и что надлежит до служащих и протчих, брала бы, что ей угодно, понеже отца запрещения не было» (л. 16 об.).

В приведенном отрывке можно отметить, во-первых, значительное сокращение текста за счет прямой речи героев. Это выражается в одних случаях в сокращении реплик диалога, в других — в замене прямой речи кратким авторским сообщением. Так, прямая речь Аполлона, сообщающего Лучнице о своем отъезде (61 слово!) заменяется в ред. T_4 кратким сообщением автора: «И объявил намерение свое супруге». Приведенный выше (стр. 287) риторичный монолог Лучницы, укоряющей Аполлона за его намерение покинуть ее (74 слова), также заменен сообщением автора ред. T_4 о том, что она «нача сетовать неутешно». Последняя реплика Лучницы значительно сокращена (13 слов вместо 46), а ответ на нее Аполлона снова заменен авторским сообщением: «чему и Аполлон бысть произволил».

Во-вторых, в приведенном отрывке из ред. T_4 можно отметить речевые обороты, свойственные деловой письменности (даны в тексте разрядкой).

Отметим также, что отсутствие у создателя данной редакции литературного мастерства и его невнимание к художественной стороне текста приводит порой к возникновению алогизмов или других погрешностей повествования. Например, в косвенную речь вторгается прямая (. . . понеже аз за нею по времени приеду. . .), а после слов Лучницы — «Лутче мне на море смерть принять, нежели без вас пребывать» — следует авторское замечание: «чему и Аполлон бысть произволил».

Итак, XVIII век — это качественно новый этап в литературной истории Повести об Аполлонии Тирском.

Во-первых, она стала расцениваться именно как светское произведение, задача которого не поучать, а развлекать. В связи с этим редакторы XVIII в. проявляют большое внимание к ее сюжетной, занимательной стороне. У одних это проявляется в интересе к подробностям повествования (амплификация), у других, напротив, в интересе к сути события в ущерб различным

художественным деталям (редукция). Подчеркнем, что эти сокращения или распространения сюжетной основы обусловлены именно интересом к фабуле, а не стремлением к большему соответствию жанра и стиля, как можно было бы объяснить появление «украшенных» редакций в древнерусской литературе. Различные переосмысления переписчиками XVIII в. сюжетных элементов ред. Т связаны, как правило, со стремлением к большей правдоподобности и мотивированности изложения. Трудно сказать, что побуждало редакторов XVIII в. вводить в повесть понятия и отражать явления современного им русского быта, но иногда такие включения настолько значительны, что возникает новое оригинальное произведение на сюжет переводной повести.

Новые редакции повести отразили также смену литературных вкусов. Для книжников XVIII в. оказался чужд «высокий» литературный стиль XVII в. Но, «отрицая» экспрессивность и риторичность Тихонравовской редакции, деформируя и модернизируя церковнославянский язык, списки XVIII в. далеко не однородны по своему языку и слогу. Одни из них сближаются по манере повествования с волшебной сказкой, другие — с любовно-авантюрной «гисторией», третьи — с деловой письменностью.

Значительность и разнонаправленность переработок повести об Аполлонии Тирском свидетельствуют в итоге об изменении самого отношения к тексту литературного произведения. Новый читатель не исполнен прежнего пиетета перед книжным словом. Напротив, в списках XVIII в. мы встречаемся со своеобразной «фольклорностью» в передаче текста. Подобно фольклорным произведениям, повесть об Аполлонии Тирском пересказывается «на свой лад» почти каждым переписчиком XVIII в.

Литературная судьба Повести об Аполлонии Тирском не является исключением. В перечисленных выше исследованиях других произведений древнерусской беллетристики отмечаются как различные виды трансформации сюжета в списках XVIII в., так и разнообразие последних в стилистическом отношении, в совокупности приводящие порой к переориентации жанра древнерусского произведения.